

Академик

Л. Овсянник

† Акад. Ф. Н. Чернышевъ.

(Вмѣсто некролога).

Пишущій эти строки не былъ связанъ съ Θεодосіемъ Николаевичемъ ни родствомъ, ни узами личной дружбы, но при телефонной вѣсти о его внезапной смерти сердце сжалось — точно потерялъ родного. Да и по правдѣ говоря, развѣ покойный не былъ *самымъ роднымъ* для каждаго въ обширной семьѣ русскихъ геологовъ? Когда надъ головой геолога нависала бѣда или душу грызли сомнѣнія — онъ шелъ къ Чернышеву и *всегда* уходилъ отъ него, обогрѣтый теплымъ участіемъ, добрымъ совѣтомъ и, главное, активной помощью.

Говорять, что въ смерти Ф. Н. виновато его слишкомъ большое сердце. Боже мой, но какая это страшная созидательная сила — *большое сердце*, особенно въ сочетаніи съ большимъ умомъ, какъ это было у покойнаго! Подумайте, сколько имъ создано въ то геологическое мгновение (всего 57 лѣтъ!), какое ему было отпущено судьбой: міровая слава ученаго, сгибающіяся полки трудовъ, академическое кресло, нѣсколько поколѣній учениковъ (пожалуй, половина всей русской геологіи!), Геологическій Комитетъ и, буквально, завалившая катафалкъ, лавина вѣнковъ отъ учреждений, въ которыхъ или для которыхъ покойный работалъ. А, вѣдь, рабочихъ годовъ было не болѣе сорока!

Самый юный отпрыск геологіи — почвовѣдѣніе — потеряло въ Чернышевѣ крестнаго отца и друга. Да, *друга!* Когда настала печальный чередъ послѣдняго ему привѣта и понадобилось однимъ маленькимъ штрихомъ опредѣлить наше къ покойному отношеніе, первое слово, которое пришло на умъ, было—другъ. Быть можетъ, формально оно грѣшило противъ точности, но мы чувствовали, что внутренняя правда въ немъ, и на траурной лентѣ отъ Почвенной Комиссіи написали: „Старому другу русскаго почвовѣдѣнія“.

Я, лично, не былъ свидѣтелемъ первыхъ шаговъ нашей молодой науки въ борьбѣ ея за самостоятельность, но знаю эту эпоху хорошо, частью по преданію (отъ Докучаева), частью по писанію *). И, положительно, могу сказать, что, при всей колоссальной энергіи Докучаева, ему едва-ли удалось бы скоро поставить на ноги русскую педологію, если бы не поддержка нѣкоторыхъ геологовъ, въ первомъ ряду коихъ стоялъ Чернышевъ. Они, первые, поняли или угадали крупное научное и практическое значеніе новаго ученія, и уже съ начала восьмидесятыхъ годовъ мы видимъ рядъ энергичныхъ попытокъ отвести ему подобающее мѣсто, — сначала, робко, въ проектѣ Геологическаго Комитета объ усиленіи его штата почвовѣдомъ, затѣмъ смѣлѣе—объ открытіи почвеннаго отдѣленія и, наконецъ, въ поддержкѣ проекта о самостоятельномъ учрежденіи, равномъ самому Комитету. Покойный Ѳ. Н. былъ тогда принципиальнымъ противникомъ самостоятельнаго Почвеннаго Института, но, баллотируя по этому вопросу вмѣстѣ съ врагами докучаевскаго почвовѣдѣнія, онъ рѣзко расходился съ ними въ мотивахъ. Считаая почвовѣдѣніе плотію отъ плоти геологіи, онъ, какъ увидимъ ниже, всегда ратовалъ за *совмѣстную*, согласованную работу геолога и почвовѣда. Въ то же время въ соединенномъ присутствіи Ученаго и Геологическаго Комитетовъ онъ не уставалъ бороться за молодую науку и противъ положенія, защищавшагося членами тогдашняго Ученаго Комитета, и достойнаго быть высѣченнымъ на его стѣнахъ: „Успѣхи земледѣлія не зависятъ отъ науки“.

Вотъ ключъ къ пониманію того, почему ему, знаменитому геологу, душа котораго принадлежала сѣдому палеозою, не были чужды интересы юной науки объ юнѣйшей изъ формаций, и почему мы, работники послѣдней, съ гордостью считали этого палеогеолога „своимъ“. Пожалуй, правильнѣе сказать—близкимъ, потому что онъ всегда приглашалъ насъ къ себѣ *поближе*,

Года три тому назадъ, когда намъ стало невмоготу тѣсно въ телятникахъ Вольнаго Экономическаго Общества, я зашелъ однажды къ Ѳ. Н. посоветоваться и, между прочимъ, спросилъ, нельзя ли получить кусочекъ освобождающагося библиотечнаго помѣщенія Академіи. Онъ сказалъ:

„Не стоитъ. Помѣщеніе дрянное. Переѣзжайте лучше къ намъ **). Будемъ работать *вмѣстѣ* и мѣста хватить!“.

И тутъ-же съ присущей ему живостью и энергіей сталъ вычислять, сколько помѣщенія можно намъ отвести подъ лабораторію, музей, разборочныя и пр. Возможно, что мы и работали бы вмѣстѣ, если бы постройка комитетскаго дома не замедлилась.

*) См. м. пр., „Извѣстія Геолог. Комитета“ за 1886 и 87 гг.; „Почвовѣдѣніе“ за 1905 и 06 гг. и др.

***) Въ проектировавшійся собственный домъ Комитета.

Совѣмъ недавно, мѣсяца четыре тому назадъ, мы дѣлились съ Ѳ. Н. неожиданной радостью: снова ожилъ проектъ Почвеннаго Института, нѣкогда умершій на его рукахъ. Радость Ѳ. Н. была шумная, искренняя и трогательная. „Ужасно радъ. Поздравляю. Устраивайтесь *поближе* къ намъ!“ Онъ насъ снабдилъ всевозможными матеріалами, давалъ кучу совѣтовъ, какъ заплучить участокъ земли возлѣ Комитета, и пріѣхалъ къ намъ вмѣстѣ вырабатывать проектъ положенія и плана постройки. Здѣсь не было, кажется, ни одного пункта, ни одной мелочи, ускользнувшей отъ его вниманія. Сотни его замѣчаній, соображеній и совѣтовъ принимались нами безпрекословно, потому что они были дружескіе и потому что въ каждомъ изъ нихъ свѣтились широкій умъ, здоровая общественность и богатый житейскій опытъ.

Да, какая это для насъ тяжелая, сейчасъ даже не вполне оцѣнимая утрата! Правда, теперь покойный какъ-будто сталъ намъ еще ближе. Онъ весь, безраздѣльно, принадлежитъ *нашему* живому слою молодого кайнозоя и уже участвуетъ въ круговоротѣ процессовъ, которые называются жизнью *почвы*. Но, конечно, насколько было бы лучше, если бы онъ еще десятка два три лѣтъ прожилъ среди живыхъ *почвоотдовъ*, участвуя въ общемъ круговоротѣ человѣческой мысли и чувствъ.

П. Стоцкий.